

Лёша Октябрь
F20.Боль

Лёша Октябрь

F20.Боль

«Издательские решения»

Октябрь Л.

F20.Боль / Л. Октябрь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854754-6

Название сборника происходит от медицинского шифра F20.0 (параноидальная шизофрения). Восемь коротких историй, львиной долей автобиографичных, рассказывают о некоторой боли бытия, иногда сладкой, иногда горькой. О жизни, сплетаемой в основном яростно вторгающимися психозами, то расширяющими её до непонятно-необъятного, то суживающими до нелепо малого. Болезненная действительность... часто без видения и признания окружающего разнообразия, которым тоже можно мыслить и жить.

ISBN 978-5-44-854754-6

© Октябрь Л.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Шестое число. Январь	7
Магнитная лента	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

F20.Боль

Лёша Октябрь

Фотограф Adrien Ledoux

© Лёша Октябрь, 2018

© Adrien Ledoux, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4485-4754-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Название сборника происходит от медицинского шифра F20.0, которым обозначают параноидальную шизофрению. Предлагаемые вашему вниманию истории имеют автобиографические корни, мотивы и не только. Восемь историй о том, о чем сказать легко, светло и приятно непросто. Истории из жизни, сплетаемой вторгающимися психозами, точнее, переливающейся ими. Ещё раз скажу – описать дискомфорт и боль нездорового иногда мышления непросто. Искренне верю, что моя, не первая в истории, попытка займет свое место там, где оно должно быть. Что это за место, я не знаю. Может, оно – ваша память и знания, где малость этой книги останется... не сумятицей и не чушью.

Лёша Октябрь

Шестое число. Январь

Пятое января. Я проваливаю зачет по интегральным уравнениям, к которому совершенно не готовился, ибо ещё с осени пребывал в почти повешенном состоянии. В депрессии, мрачной и затяжной.

Это были моя пятая сессия в университете и мой первый проваленный зачет. Мне было все равно, в то время я думал лишь о самоубийстве, неосознанно пытаюсь подвести себя под его неизбежность.

После обеда неловко и грузно прибрел домой, мать на новость о зачете отреагировала настороженно и обеспокоенно. Её давно тревожило моё абсолютное равнодушие к учебе, на которую ходил я далеко не каждый день. До вечера я просидел в комнате, не выходил и курить, чтобы не встретиться с мамой, не попасться ей на глаза в своем крайне мерзком виде. Раздраженно отказался сначала от обеда, а потом и от ужина, на что она горько тихо произнесла:

– И не стыдно тебе так себя вести? Чего тебе не хватает, а?

«Да плевать мне на все ваши «чего», – пронеслось криком в мыслях, но я промолчал и позвонил брату, напросившись к нему в гости с ночевкой.

Одевался тихо, чтобы мама не услышала, а на прощание до меня донеслось:

– Что, с отцом не хочешь встречаться? Стыдно?!

«Да пошли вы все!», – и эти слова остались невысказанными.

Неровно шагая к остановке транспорта, зло бормотал себе под нос «Сдохни, падла, сдохни, сука!» Как будто меня пытались поставить ребенком в угол, но смерти я желал себе.

С яростью достал студенческий билет и начал его рвать на кусочки, настолько мелкие, насколько могли осилить его корку замерзающие пальцы. Обрывки я выбрасывал порциями через каждые десять-пятнадцать шагов. «Завтра, завтра», – принял я решение покончить с собой. Ожидая маршрутку, курил непрерывно, подпитывая тошнотой внутреннее бешенство, которое потребовало разорвать ещё и зачетную книжку. Изорвал её крупными кусками, весь этот мусор положил в сугроб и утопил в нём ногой, набросав затем ботинком в образовавшуюся ямку снега.

Ненадолго полегчало, ибо с собой-студентом уже покончено. В дороге решил броситься с моста на замерзшую реку. Это было мое первое доведенное до выбора способа суицидальное решение.

Разговаривать с братом совсем не хотелось, был упрямо и неадекватно молчалив. Расположился за кухонным столом и начал писать. «Писарь», – пошутил брат и ушел к себе в комнату. Два часа боль и слезы переливались мною из пустого в порожнее, то и дело переворачивалась магнитная кассета Черного Обелиска.

Я писал письмо Даше, я в то время писал ей по три раза на неделе. Получился прощальный возглас, болезненный и отчаянный. В голове крутились её слова «Да делай с собой, что хочешь. Мне все равно. Твоя жизнь».

«Моя жизнь», – поставил я вместо подписи в низу последнего листа и подпер руками возбужденную и побежденную голову, в которой уже ничего целого от той жизни не осталось.

– Покурим? – предложил брат, заметив, что я остановился.

– Покурим напоследок, – ответил я наигранно и прихватил на улицу листы своего письма.

– Что ты там пишешь?

– Да ничего уже Гоголь не пишет, всё сгорело, – театрально произнес я и поджег бумагу в руке. Когда последний выпущенный пальцами уголок письма сворачивался в воздухе сажей, противно залаяла цепная псина.

– Тише, Гоголь, всё в порядке, – пошутил я с интонацией одной из прослушанных на кухне песен.

Брат ухмыльнулся, узнав мотив.

– Я спать пойду, – сказал я ему, зевая от дикой усталости, и вошел в дом.

Раздеваться сил не было, лег прямо в одежде, но уснуть долго не мог. Слышал, как на кухне брат поставил на огонь чайник, потом долго разговаривал с каким-то гостем, затем тишина. Наверное, я уснул.

Проснулся в легком настроении и, наверное, улыбнулся бы, если бы не вспомнил, что наступивший день – день моего самоубийства. Стало тошно и противно до головокружения, особенно после сигареты.

Тётушка была дома, она пришла с работы ранним утром и поставила нам с братом литровый кувшин домашнего вина, очень, кстати, паршивого. В честь грядущего праздника Рождества, тоже, кстати, паршивого.

Ничего не съев, выпив, оказался пьяным, но легче не стало. Скорее, наоборот. Прыжок с моста трусливо перенёс на вечер и не менее трусливо поехал в университет, не признаваясь себе, зачем. Страсть уничтожиться всё-таки была зовом остаться.

Войдя в деканат, попросил образцы заявлений на восстановление студенческого билета и зачетной книжки. Листая поданную папку с бланками, наткнулся на форму заявления на отчисление по собственному желанию. В голове с болью шелкнуло – вот зачем ехал сюда, ещё один приближающий к смерти шаг со слепой непонятной надеждой жить, вырывавшейся так безобразно. Быстро написал просьбу отчислить меня с шестого января две тысячи третьего года и понес бумагу в кабинет замдекана. Секретарша кинулась за мной, причитая:

– Ну, вот, что с ним делать? За третий курс уже второй раз студенческий восстанавливает. Я растерялся от такого возгласа, но прошел в кабинет и молча положил заявление на стол.

Замдекана, большой толстый мужчина, ознакомившись с моей бумагой, спокойно ответил девушке:

– Тише, сейчас мы с ним во всем разберемся. – И продолжил, обратившись ко мне – Садись, Алексей. Сжег что ли документы? С этого отчисления часто и начинаются.

– Порвал, – я сел и опустил взгляд в пол.

Секретарша вышла.

– Что делать будем? Отчислять я тебя не хочу, – по-деловому начал замдекана.

Я молчал и хотел просто убежать. «Да подпиши ты, и я пойду уже. Хер ли разводить тут!». Но надежда, что жизнь все-таки лучше, не дала мне этого сказать.

– Вижу, бороться ты не можешь. Справка есть? Достанешь?

– Не знаю, – промычал я, как телёнок, чувствуя, как расплывается в теле предобморочная тошнота.

Молчание. Толстяк всматривался в мое скрываемое лицо, наклонив голову. Я случайно поднял глаза и поймал его взгляд. Стыдно стало за слабость до гибели, сиюминутной упрямой гибели.

– Ладно. Приходи восьмого. Не передумаете – отчислим. Передумаете – поможем. Договорились?

– Хорошо, – почти шепотом, потому что сил не было, ответил я, радуясь завершению «тяжелого» разговора.

Секретарша проводила меня недоумевающим взглядом, ибо не часто отличники первых двух курсов отчисляются в пятую сессию по собственному желанию.

Я курил на крыльце корпуса и думал, что делать, точнее, куда идти в это самое скучное и непотребное время предпраздничного зимнего дня. Так пусто и нелепо мне ещё не было, чужеродность себя в текущем дне впервые стала столь явной. Перенос рубежа отчисления

на восьмое число и радовал и расстраивал – вроде и повод пожить ещё пару дней, но и принять решение нужно было «сейчас».

«К Даше. Там и решим, что мне с собой делать».

Шатающейся походкой, все-таки был ещё немного пьян, добрел до вокзала и выехал оттуда в район, где жила моя любовь. В маршрутке сидевшая напротив меня женщина как-то слишком пристально и обеспокоенно посматривала на меня, как я непрерывно крутил головой, громко вздыхая и бормоча ругательства. Сидеть спокойно и стройно было не в моих силах, ни тела, ни души.

«Дома ли ты, Даша? Дома ли?», – твердил я в голос, позвонив в дверь её квартиры. «Не может не быть. Не может тебя сейчас не быть, не может, Даша!»

Дверь отворилась, яркий розовый халат, большие карие глаза, слегка взъерошенные рыжие волосы. «Д-а-ш-а», – медленно и глухо пронеслось в моем закрытом горле.

– Привет, Леш, ты как всегда – неожиданность. Мне совсем некогда, правда. Скоро убегаю.

– Извини. Пусты на пять минут, не могу, Даш, на пять минут, – растерянно и разорванно, тихо пробормотал я, чем обеспокоил девушку, которая посторонилась в дверном проеме, приглашая этим пройти.

– Спасибо, – тихо пролепетал я.

Мы прошли в её комнату, она поправила скомканное покрывало на кровати и села на него, устремив на меня улыбающийся взор.

– Ну, рассказывай, как дела, раз прошел ко мне, пробрался так... лихо.

– Херово, Даш. Отчисляюсь я.

– Да уж, – она знала о моей ненависти к учебе. – Что ж так сурово?

– Осточертело всё. Устал.

– Да брось ты, Лёх, – и она повернулась к окну.

Ладони, плечи, щеки, губы. Я бесцеремонно водил по девушке взглядом. Она обернулась и, заметив это, тихо спросила:

– Что?

– Ничего, – смутился я.

Она просто кивнула, будто говорила, так я и знала, что ничего. Затем встала у кровати и рассеянно посмотрела в окно. Я был лишним. Через минуты три молчания я со свежими силами бодро сказал:

– Пойду. Спасибо тебе.

В прихожую девушка шла впереди меня. Её маленькая фигурка, рыжие локоны, серые шерстяные носки укрепили мое поднявшееся настроение. Присев завязывать шнурки, рассматривал обнаженные женские голени, икры.

– Даш, дай руку, пожалуйста, – попросил я, вставая.

Она неуверенно протянула мне правую руку, которую я, можно сказать, схватил и насильно поднес к дрожащим губам. Мои пальцы тоже дрожали. Даша отдернула руку, как от огня, быстро шагнула к двери и отворила её, говоря мне опущенной головой, чтобы я уходил быстрее.

– Пока, Леш. Восстанавливайся.

– Спасибо, – и я побрел домой, улыбаясь воспоминаниям об отдернутой руке со вкусом увлажняющего крема.

Дорогой домой вдохновленный крупницей желанной женской плоти отказался от затеи кончать с собой и решил попробовать сдать сессию как угодно. Та сессия стала абсолютно трюковой, как и все последующие. И меня как будто стало меньше, будто что-то высохло во мне или потерялось. Тоска и скука одиночества, мрак депрессии, истощившие меня к той зиме,

не ушли после этой истории, они обернулись мне последующей чередой ещё более печальных лет.

Магнитная лента

К вечеру я все ещё был пьян. Меня угостили пивом за решение контрольной работы по высшей математике. Гости ушли, хмель делал свое дело, и страсть искала выход.

Набрал на старом телефонном аппарате номер, который знал, как дату своего рождения.

– Алло, – по телефону её голос всегда слаще и мягче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.